

МЕТАФОРИЗАЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ. Грант № 14-04-00207 а – «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.

Статья посвящена семасиологическому и когнитивному исследованию лексических и фразеологических образных средств русского языка, мотивированных наименованиями растительной пищи. Описываются метафорические модели со сферой-источником «съедобные растения»; выявляются основания уподобления явлений этой сферы явлениям из других сфер внеязыковой действительности. Исследуется реализация оценочного и миромоделирующего потенциала данных образных языковых единиц в современных дискурсивных практиках.

Ключевые слова: образная лексика и фразеология; метафорические модели; кулинарная метафора; языковая картина мира; образное лексико-фразеологическое поле.

Антропологический подход к изучению языка выдвинул в центр исследовательского внимания проблемы взаимосвязи языка, культуры и личности говорящего (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия и др.). Язык стал пониматься как средство осмысления культурного кода, зашифрованного в многообразии значений лексических и фразеологических единиц. Актуальными являются изучение оценочной (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов и др.) и миромоделирующей (Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова [1], А.П. Чудинов [2] и др.) функций языковых единиц, исследование реализации культурных кодов в языке и речи (Н.Ф. Алиференко, В.В. Красных, Г.В. Токарев и др.). Образные средства языка (лексические: языковые метафоры, метафорические дериваты и фразеологические: сравнения, идиомы, перифразы, паремии) обладают значительным аксиологическим и миромоделирующим потенциалом, демонстрируют воплощение различных кодов культуры, метафорически и символически представленных в двуплановой семантике образных номинаций (Н.Ф. Алефиренко, О.И. Блинова, Н.А. Илюхина [3], М.Л. Ковшова, В.М. Мокиенко, Г.Н. Складаревская, В.Н. Телия, Е.А. Юрина [4] и др.).

Целью данной статьи являются семасиологическое и когнитивное описание образной лексики и фразеологии с мотивирующей кулинарной семантикой, отражающей метафоризацию наименований растительной пищи в русском языке, а также описание фрагмента русской языковой картины мира, связанного с образной интерпретацией действительности посредством всевозможных метафорических проекций из концептуальной области-источника «съедобные растения».

Объектом исследования выступают языковые метафоры (*овощ* 'вялый, лишенный сил и рассудка человек', *банан* 'низкий балл в системе оценивания результатов обучения'), собственно образные слова (*лимонка* 'ручная граната, по форме напоминающая лимон'), устойчивые образные сравнения (*красный, как помидор* 'о покрасневшем от гнева или смущения человеке', *как огурчик* 'о бодром, полном сил человеке'), творительные сравнения (*нос картошкой* 'пухлый нос с широкими ноздрями'), идиомы (*одного поля ягоды* 'люди схожие по характеру, поведению, воспитанию', *выжимать все соки из кого-либо* 'мучить, доводить до изнеможения, эксплуатировать кого-либо'), пословицы и

поговорки (*сорок лет – бабий век, сорок пять – баба ягодка опять*), мотивированные наименованиями съедобных растений.

Предметом исследования являются характер метафорических моделей [5], реализованных в образной семантике данных лексических и фразеологических единиц, а также реализация их оценочного и миромоделирующего потенциала в современных дискурсивных практиках. Анализ семантики языковых единиц позволит выявить метафорические модели, зафиксированные в образной номинации и оценочной характеристике различных сфер внеязыковой действительности, в результате чего будет представлено идеографическое описание образной и оценочной характеристики различных сфер действительности посредством кулинарной метафоры, отражающей проекции из области-источника «съедобные растения» в другие понятийные сферы.

Вслед за А.П. Чудиновым мы понимаем метафорическую модель как «существующую и / или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой 'X – это Y'» [2. С. 70]. А.П. Чудинов указывает на то, что в составе метафорических моделей должны быть выявлены: сфера-источник; новая понятийная область; относящиеся к данной модели фреймы; компоненты, связывающие первичные и метафорические смыслы единиц; продуктивность метафорической модели. Базовая метафорическая модель, представленная в образной семантике описываемого нами материала, может быть определена формулой «Нечто – это Съедобное растение». Частные метафорические модели, различающиеся областью-мишенью и исходным образным представлением из области-источника, будут структурированы в статье в соответствии с количественной представленностью характеризующей области-мишени: от максимально задействованной в образной номинации сферы «человек» к минимально задействованным сферам «время» и «пространство». Источниками материала послужили данные словарей, а также контекстная база Национального корпуса русского языка [6].

В результате отбора словарного и текстового материала было выстроено образное лексико-фразеологическое поле, единицы которого отражают мета-

форизацию концептуальной области «растительная пища». Его ядерную зону составляют образные номинации различных свойств и качеств человека (78 образных языковых единиц). Образно номинируемая сфера «человек» была разделена на следующие понятийные области-микросферы: «физиология человека», «самочувствие и эмоции», «интеллектуальные способности», «характер и поведение», «социальное взаимодействие». Наименования явлений, отражающих **микросферу «физиология человека»** (35 образных единиц), выражены в следующих единицах: языковые метафоры *груша, яблоко, сморчок* – о фигуре человека; *сморчок* ‘пожилой человек с морщинистой кожей’, *кочан, репа, тыква* – о форме головы; *миндалина* ‘доля парного органа лимфатической системы, расположенная на стенках глотки и похожая по форме на миндальный орех’; *баклажанный* – о форме носа; *вишневый / брусничный / клюквенный* – о цвете губ; *лимонный, абрикосовый, персиковый* – о цвете кожи, *персиковый* ‘о коже, покрытой пушком’; *яблочко* ‘кадык’; *кочерыжка, банан, хрен* ‘фаллос’; *помидоры* ‘мужские половые железы’; перифразы *глазное яблоко, адамово яблоко*, сравнительные обороты *как желе, как кисель* – об обвисшей коже; *румяный, как яблоко, как печеное яблоко*, творительные сравнений *грушей / картошкой / сливой / луковичей* – о форме носа; *ягодкой* – о форме губ; идиомы *будто черти горох молотили, поза банана, апельсиновая корка*. Основанием для уподобления физиологических характеристик человека и съедобных растений являются форма, размер, структура, цвет или характер покрытия съедобных растений.

Представления о фигуре, силуэте человеческого тела ассоциативно связываются с формами таких фруктов, как яблоко, груша, банан. Форма груши округлая, сильно расширяющаяся к основанию, что метафорически связывается с образом женской фигуры с ярко выраженными бедрами («*о сладкая груша, гитара, покатая шампанская бутылка*»); шарообразная форма яблока ложится в основу ассоциативного переноса на фигуру человека с большим животом («*ожирение в форме яблока*»); изогнутая форма банана визуально напоминает позу согнутого человека («*сидеть перед компьютером в позе банана*»). В то же время представление о фигуре человека, форме его тела может быть ассоциативно связано со структурой блюд, приготовленных из съедобных растений. Желе и кисель – полутвердые, полужидкие, легкоподвижные жидкости – метафорически уподобляются особенностям параметров толстого человека, имеющего вместо четких контуров тела дряблые, неупругие формы («*его дряблое, как остывший кисель, лицо*» или «*свежевыбритое голое место постепенно переходило в дрожание, как желе, щеки*»).

Образы растительной пищи проецируются и на представления об органах и частях человеческого тела, его кожных покровах. Наиболее продуктивными являются модели, в основе которых лежит представление об общности размера и формы некоторых растений с человеческими органами. Так, например, многообразие различных форм носа метафорически характеризуется в следующих образных единицах: *баклажанный нос* ‘большой вытянутый нос’ («*повисает баклажанный нос*»); *нос картошкой* ‘пухлый нос с широкими нозд-

рями’ («*его нос картошкой, толстый и распухший*»); *нос грушей / луковичей* ‘расширенный книзу нос’ («*неправильный на манер груши нос*», «*особые приметы – нос луковичей*»); *нос сливой* ‘крупный нос, красного или лилового цвета’ («*бесформенный нос сливой*»). Во всех приведенных контекстах отражена негативная оценка человеком таких форм носа, все они воспринимаются как неправильные, некрасивые, портящие внешний облик.

Цвет поверхности съедобной части растения часто ложится в основу образных единиц, описывающих губы и кожу человека. При выражении оттенка цвета губ используются образные определения *вишневые* («*ее вишневые губы*»), *брусничные* («*брусничного цвета губы*»), *клюквенные* («*клюквенные губы были крепки и сочны*»). В данных случаях красный цвет губ воспринимается положительно в сознании носителей языка, поэтому сравнение их с образом ягод придает им дополнительное значение притягательности, желанности, красоты, приятного вкуса, аромата. Нежные цвета абрикоса и персика напоминают цвет кожи девушек и женщин («*дергал за мои толстые персиковые щеки*», «*абрикосовый загар на руках и ногах*»). Румянность щек молодых девушек, приятный оттенок их кожи передается через сравнение *румяный, как яблоко* («*лицо ее еще румяное, как крымское яблоко*»). Желтушный, болезненный цвет кожи передается через образ плода лимона («*лимонная бледность в узком лице*»). Покраснение кожи, вызванное ее обветриванием или солнечным ожогом, раскрывается в метафоре *малиновый* («*малиновая шелушащаяся обводка вокруг рта*»).

Структура поверхности плодов растений сравнивается со структурой кожного покрова. Неровная, покрытая целлюлитом кожа сравнивается с бугристой кожей апельсина («*жировые отложения делают эффект апельсиновой корки*»), нежная кожа, покрытая мягким пушком, ассоциируется с поверхностью плода персика («*персиковая пушистость щеки*»). Старческие морщины на лице ассоциируются со сморщенным видом гриба сморчка и печеного яблока, что отражено в метафоре *сморчок* («*сморчок – древний сморщенный старикашка*») и образом сравнения *как печеное яблоко* («*старушка с лицом, похожим на печеное яблоко*»). Способ приготовления пищи отражен в фразеологическом обороте *будто черти горох молотили*, называющем неровную, в ямках от осыпи или прыщей кожу («*корявое, рябое лицо, то самое, на котором горох молотили*»). Основание ассоциативного переноса лежит в сравнении покрытой ямками кожи с местом, на котором измельчают горох, сильно ударяя по нему и вбивая его в поверхность для молотьябы.

Наименования явлений **микросферы «самочувствие и эмоции»** (10 образных единиц) лексически выражены в языковой метафоре *овощ* ‘лишенный сил и рассудка человек’, сравнительных оборотах *краснеть как помидор / как свёкла / как брусника / как клюква; как будто лимон съел / разжевал; как выжатый лимон; как огурчик* и устойчивых выражениях *держат хвост морковкой, быть в самом соку*.

Ряд метафорических моделей реализует уподобление между сферами «съедобные растения» и «самочувствие и эмоции» на основе сходства цветовой характе-

ристики. Цвет кожи человека отражает физиологические реакции на проявление эмоций (гнев, страх, смущение) и настроения (смех, подавленность): смущение заставляет человека *бруснично* краснеть («*ребята покраснели, как брусника*»), безудержный смех придает коже цвет, подобный клюкве («*девочка часто и нервно смеялась, щеки клюквенно налились*»), гнев, смущение делают лицо похожим на свеклу или помидор («*один из чиновников нервно курил, был красный, как спелый помидор*»). Физиологические проявления эмоций уподобляются реакции на вкусовые ощущения от съедобных растений. В основе образного сравнения *как будто лимон съел / разжевал* лежит реальная ситуация поедания лимона, кислый вкус которого неизбежно заставляет человека скривить лицо / рот. При метафорическом переносе это выражение приобретает значение проявления сильного недовольства человека («*лицо его сморщилось, как будто он разжевал лимон*»).

Структура оболочки и мякоти съедобных растений, сочность и свежесть плодов ассоциативно связываются с состоянием, самочувствием человека: бодрое состояние ассоциируется с образом зеленого свежего огурца («*раньше приходилось не спать по двое, а то и по трое суток, и ничего – всегда как огурец*»), уверенность в себе и своих силах отражена в устойчивом выражении *держат хвост морковкой* (т.е. настолько быть уверенным, что держаться прямо, как созревшая морковка с грядки), фразеологизм *в самом соку* называет энергичного, находящегося в расцвете сил человека («*и вообще он не старый, пятидесяти еще нет, в самом соку*»).

Явления, репрезентирующие **микросферу «интеллектуальные способности»** (4 образных единицы), охарактеризованы фразеологизмами: *разбираться, как свинья в апельсинах; щелкать задачи как орешки / как семечки; разгрызть / раскусить орешек; орех не по зубам*. Высокие умственные способности человека, умение решать сложные интеллектуальные задачи ассоциируются с ситуацией добывания ядра ореха, семечек: фразеологизмы *щелкать (задачи) как орешки / как семечки* ‘быстро решать сложные задачи’, *разгрызть, раскусить орешек* ‘решить сложную задачу’, *орех не по зубам* ‘о неспособности решить задачу, проблему’. В семантике фразеологизма *разбираться, как свинья в апельсинах* реализовано уподобление человека, который является дилетантом, не разбирается в какой-либо сфере, животному, для питания которого не характерны экзотические фрукты. Негативную оценку усиливает сравнение человека со свиньей, которая считается нечистоплотным, прожорливым, глупым животным, в то время как дело, которым пытается заниматься этот человек, уподобляется экзотическим, вкусным плодам апельсина.

Наименования явлений **микросферы «характер и поведение»**, мотивированные названиями съедобных растений, выражены в 6 образных единицах: языковая метафора *гриб* ‘человек, проводящий много времени за компьютером’, идиомы *крепкий орешек, ягода-кислица, ягодка с косточкой, как об стенку горох*, поговорка *красна ягодка, да на вкус горька*.

Структура съедобных растений уподобляется качествам характера человека и особенностям его поведения. Крепость духа метафорически сравнивается с

твердостью, прочностью ореховой скорлупы («*Станислав Иосифович – крепкий орешек, на компромиссы не пошел*»). Такие особенности структуры ягоды, как расположение косточки внутри плода, а также горький или кислый вкус некоторых ягод, ложатся в основу образных выражений *красна ягодка, да на вкус горька; ягодка с косточкой; ягодка-кислица*, характеризующих людей со строптивым, сложным или надменным характером («*парень, ягодка с косточкой, об нее зубы сломаешь!*»).

Завершает обзор понятийной сферы «человек» одна из самых многочисленных по количеству образных наименований **микросфера «социальное взаимодействие»** (22 образные языковые единицы): языковые метафоры *малина, малинник* ‘женский коллектив’, *перец* ‘привлекательный молодой человек’, *апельсин* ‘вор в законе’, собственно образное слово *миндальничать*, фразеологизмы *одного поля ягодки; яблоко от яблони недалеко падает; от осинки не родятся апельсинки; выжимать все соки из кого-либо; тот еще фрукт; горе луковое; вставить в уши бананы; шут гороховый; чучело гороховое; трясти как грушу; любовь-морковь; любовь прошла, завяли помидоры; муж объелся груш; седьмая вода на киселе; малиновый пиджак; гороховое пальто*.

Сладкий вкус ягод и плодов, их сочность, яркая цветовая палитра лежат в основе метафорической характеристики человека, вызывающего приятные эмоции. Выражение восхищения, расположения чаще адресовано лицам противоположного пола или маленьким детям и основывается на их притягательном внешнем виде: *ягодка* ‘обращение к красивой девушке, любимому человеку или маленькому ребенку’ («*ягодка моя ненаглядная*»); *персик* ‘обращение к молодой девушке, вызывающей ласку и нежность своей красотой’ («*девушка, вы просто персик*»); *малина* ‘женский коллектив’ («*на работе я в малине: кругом женщины*»); *крутой перец* ‘молодой, симпатичный, хорошо одетый парень’, вызывающий интерес молодой человек сравнивается с ярким плодом перца, таящим в себе сладкий или острый, пикантный вкус.

В выражении *что это за фрукт и с чем его едят* процесс поглощения пищи уподобляется процессу общения, социальному взаимодействию, контакту с каким-либо лицом, а образ фрукта метафорически ассоциируется с образом нового незнакомого человека. Подобно тому, как способ поглощения незнакомого фрукта может быть непонятен, а последствия принятия его в пищу непредсказуемы, так и общение с новым человеком может быть затруднено, а его поведение и реакция неожиданны. В другом фразеологизме *муж объелся груш* ‘о муже, который не справляется со своими обязанностями, не считается главой семьи’ состояние переживания, характеризующееся дискомфортом, потерей энергии, отсутствием желания к новому поглощению пищи, уподобляется уходу от своей социальной роли, отказу от своих обязанностей перед семьей.

Следующая **сфера «материальные объекты»** подразделяется на микросферы: «цвет и окраска предметов», «параметрические свойства предметов», «артефакты». Понятийная микросфера «**цвет и окраска предметов**» (22 образные единицы) лексически выра-

жена в языковых метафорах *гороховый, фисташковый, оливковый, малиновый, клубничный, клюквенный, брусничный, вишневый, гранатовый, абрикосовый, персиковый, лимонный, смородиновый, баклажанный, апельсиновый, морковный, в яблоках, в огурец, под орех, капуста*, сравнительных оборотах *как апельсин, как морковь*. Разнообразие красных оттенков лексически выражено в метафорических единицах, называющих красные плоды съедобных растений: *брусничный и клюквенный* 'о предметах ярко-красного цвета, близкого к цвету крови'; *вишневый* 'о предметах темного красно-коричневого цвета'; *малиновый* 'о предметах красно-розового цвета с небольшим оттенком фиолетового'; *клубничный* 'о предметах алого цвета'.

Реже в основе уподобления лежит форма съедобных растений, сферой-мишенью в таких метафорических моделях является окраска, рисунок, узор: языковые метафоры *в яблоках* 'о пятнистой расцветке шерсти лошадей, схожей с контурами яблока'; *в горох / в горошину* 'об узоре в виде кругов на однотонной ткани или какой-либо поверхности'; *в огурец / в турецкий огурец* 'об орнаменте, представляющем собой различные вариации основного рисунка, похожего на вытянутый в разные стороны огурец'; *капуста* 'рисунок на военной офицерской фуражке советского образца, будто состоящий из нескольких слоев, листьев, как кочан капусты'.

Наименования растительной пищи, входящие в **микросферу «параметрические свойства предметов»** (15 образных языковых единиц), репрезентируют различные характеристики материальных объектов: размер, форму, плотность, – в основном эта сфера выражена в языке через сравнительные обороты. Сравнения указывают на сходство размеров предметов с размерами плодов растений: *с яблоко, с апельсин, с огурец, с тыкву, с орех, как горох*. Другие образные единицы характеризуют форму различных предметов: языковая метафора *груша* используется при обозначении предметов, состоящих из двух полусфер, узкой наверху и широкой внизу (*груша микрофона, груша клаксона, резиновая груша* и т.д.); сравнение *как яблоко* характеризует шарообразные предметы, а сравнительные обороты *как морковь* и *как огурец* используются по отношению к вытянутым, продолговатым предметам. Языковые метафоры *горошина, горох, ягодка* указывают сразу на два свойства, размер и форму, они употребляются по отношению к маленьким шарообразным предметам (*ягодка крови, горошины бус* и т.д.).

В основе метафорических наименований явлений **микросферы «артефакты»** (7 образных единиц) лежит характеристика формы различных плодов съедобных растений, эту сферу характеризуют такие образные единицы, как: языковые метафоры *банан* 'надувной матрас', *луковица* 'выпуклые стекла очков / часов', *луковица* 'купол', собственно образное слово *лимонка* 'ручная граната', устойчивые обороты *брюки-бананы, боксерская груша, государственное яблоко*. Например, языковая метафора *банан* именует большую надувной водный матрас, цепляющийся к катеру и использующийся в развлекательных целях на курортах, который своей вытянутой формой и яркой желтой расцветкой напоминает банан. Сходство формы легло в основу метафоры *боксерская груша*, этот сильно расширяю-

щийся кнзизу тренажер для отработки ударов в боксе формой напоминает плод груши.

Следующая **сфера «социум»** включает микросферы: «социальные явления», «экономика и финансы». **Микросфера «социальные явления»** (11 образных языковых единиц) лексически выражена через языковые метафоры *малина* 'благоприятные условия для какой-либо деятельности'; *клубничка* 'продукция эротического содержания'; *морковка* 'приманка, объект вожделения'; *капустник* 'самодетельное представление'; выражения *расти, как грибы после дождя; закидать тухлыми помидорами; разделить под орех; хрен редьки не слаще; это еще цветочки, а ягодки впереди; простой, как апельсин; сравнение не картошка*. Метафорические модели, сферой-источником в которых выступает образ ягоды, основаны на уподоблении сходства сладости, аромата и притягательности ягод положительной оценке некоторых явлений: *малина* 'благоприятные условия, события, положительно влияющие на человека и его деятельность' (*«делай, что хочешь – не жизнь, а малина»*); *клубничка* 'различная продукция эротического содержания' (*«любителям малолетней клубнички не поздоровится»*). Поговорка *это еще цветочки, а ягодки впереди* употребляется в ситуации следования одного неблагоприятного происшествия за другим, основанием для метафорического переноса стал образ ягоды как итога развития растения: как в природе за цветением неизбежно следует созревание плодов, так и в представлениях носителей языка за одной неприятностью последует другая.

Явления **микросферы «экономика и финансы»** (5 образных единиц) метафорически характеризуются через образы растений, употребляемых в пищу: языковые метафоры *капуста* 'деньги', *малина* 'прибыль', фразеологизмы *быть на бобах, остаться на бобах, сидеть на бобах*. Языковая метафора *капуста* используется при номинации денег: *«Типа, там, сочинение на техфак. Ну, я разве против – «капусты» подмолотить? Дорого, говорю, женщина, перед самым-то экзаменом консультировать»* (Андрей Житков. Кафедра). Поэтому различные выражения, отражающие способ приготовления капусты, метафорически называют виды приобретения денежных средств: *нарубить капусту* 'заработать много денег', *намолотить капусту* в том же значении. Прибыль, удачу в каком-либо деле называют *малиной* (*«стоит «нефтяной малине» закончиться – и с высокими темпами экономического роста придется надолго проститься»*), ассоциируя благоприятные условия с приятным вкусом сладкой ягоды. Бедственное положение человека описывается с помощью метафоры *бобы*, в которой заключено представление о простом, постном блюде: *быть на бобах* 'быть необеспеченным, лишенным каких-либо привилегированных условий'; *остаться на бобах* 'остаться ни с чем, быть лишенным того, чем обладал раньше, либо должен был обладать в ближайшем будущем', *сидеть на бобах* 'быть лишенным средств для существования, настолько быть связанным в финансовых возможностях, что чуть ли не питаться одними бобами'.

К числу сфер внеязыковой действительности, обозначенных через наименования растительной пищи, также относятся **сферы «время»** и **«пространство»**,

выраженные в 4 образных единицах: *Большое яблоко, банановая республика, до морковкина заговенья, яблоку негде упасть*. При уподоблении образов растительной пищи и временных явлений учитываются особенности христианского поведения русского народа, его исторически сложившиеся особенности в проведении церковных обрядов. Так, происхождение фразеологизма *до морковкина заговенья* 'неопределенно долго, о времени, которое никогда не наступит', связано с тем, что христианам на заговенье (последний день поста) разрешалось есть молочную и мясную пищу, которая во время всего поста была запрещена, поэтому предпочтение постной морковки в заговенье определяется как шутовское, невероятное, то, что никогда не произойдет. «Одни директора станут *до морковкина заговенья* плакаться в жилетку премьеру: январь на дворе, а договоров и на полгода не заключено» (Василий Селюнин. Всё у нас получится // Огонек. 1991. № 8).

Сфера «растения» метафорически связана с образами других растений. Мотивирующей единицей во всех случаях является яблоко: *китайское яблоко* 'апельсин'; *чертовое яблоко / земляное яблоко* 'картофель', такое неприятное название картофеля связано с тем, что во времена Екатерины II его разведение насаждалось насильно, под него отдавали лучшие земли, хотя никто не объяснил крестьянам, как им пользоваться, что приводило к частым отравлениям ядовитыми зелеными плодами картофеля; *карфагенское яблоко* 'гранат'.

В ходе анализа были выявлены образные номинации, метафорически называющие явления различных сфер внеязыковой действительности через аллюзии с легендами, сказками, мифами, в сюжете которых символически задействованы образы съедобных растений. Так, например, образное основание двухкомпонентной номинации *адамово яблоко* 'кадык' (микросфера «физиология человека») основано на библейском сюжете о грехопадении человека. Кадык уподобляется застрявшему в глотке у Адама куску запретного яблока: «*Шарф отлетел в сторону, и на оголенном горле возле "адамова яблока" открылись багровые, в давно засохшей кровяной коросте следы обезьяньих когтей*» (Леонид Юзефович. Князь ветра).

Различные мифы народов мира также находят отражения в образных единицах, включающих наименования растительной пищи. Происхождение идиомы *яблоко раздора* 'нечто, являющееся источником конфликта, предметом спора' связано с греческим мифом о золотом яблоке с надписью «прекраснейшей», подброшенном на свадьбу Пелея и Фетиды и ставшем причиной ссоры между богинями Герой, Афродитой и Афиной: «*Ведь яблоком раздора между двумя первыми лицами Чечни – не считая, конечно, военных – был пост министра финансов, ключевой в контексте грядущих баталий*» (Андрей Уранов. Кадыров берет огонь на себя (2003) // ПОЛИТКОМ.РУ. 2003.02.10).

В идиомах отражены аллюзии на различные литературные и сказочные фольклорные сюжеты: *принцесса на горошине* (микросфера «характер и поведение»), *развесистая клюква, мы делили апельсин* (микросфера «социальные явления»), *при царе Горохе* (сфера «время»), *молодильные яблоки* (сфера «материальные объекты»). Фразеологизм *принцесса на горошине*, отсылающий к сказке Г.Х. Андерсена, употребляется по отношению к человеку привередливому, выдвигающему высокие требования («*в таком наряде легко представлять себя принцессой на горошине, капризничать, требовать чего-то невозможного*»). Сомнительные, невероятные события, больше похожие на небылицу, лишенные правдоподобия, называют *развесистой клюквой*. Данное выражение иронично, оно происходит из пьесы-пародии на французскую мелодраму Б. Гейера «Любовь русского казака», в которой неосведомленный, не знающий российских реалий иностранец говорил, что он сидел в тени развесистой клюквы. Выражение *мы делили апельсин* 'о чем-либо, что приходится делить сразу нескольким субъектам' появилось из первой строчки детской считалочки. Дискурсивный анализ, по данным Национального корпуса русского языка, показал частотность употребления данного выражения в заголовках публицистических текстов. Фразеологизм *при царе Горохе* используется при назывании событий или явлений, которые были совершены много лет назад: «*При царе Горохе, говорят, деготь был первым средством при лечении подобных кожных проблем*» (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум). (2005). Появление данного фразеологизма объясняется несколькими версиями. По одной версии это выражение связывают с царем Горохом, героем русских сказок, жившим в те далекие времена, когда мир был наполнен волшебными существами. По другой выражение *царь Горох* считают созвучным названию Константинополя – Царь-Град, окончательно исчезнувшему в XV в., поэтому, говоря о далеких временах, когда еще существовала Византия, давали характеристику «по-царьгородски». Идиома *молодильные яблоки* 'нечто, имеющее омолаживающий эффект' отсылает к русской народной сказке «О молодильных яблоках и живой воде», в которой такие яблоки даровали вечную молодость.

Анализ контекстов по данным Национального корпуса русского языка показал продуктивность и частотность употребления образных языковых единиц, мотивированных названиями съедобных растений. Было выявлено более 150 образных языковых единиц, которые называют явления различных сфер внеязыковой действительности: «человек», «цвет и окраска», «материальные объекты», «социум», «пространство», «время» и «растения». В данной статье мы представили их метафорическое функционирование, описали метафорические модели со сферой-источником «съедобные растения», выявили основания уподобления явлений этой сферы явлениям из других сфер внеязыковой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И. Метафорическое моделирование концептосферы // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Томск, 2001. С. 121–124.
2. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Пермь, 2001. 208 с.
3. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семиологической интерпретации. М., 2010. 320 с.
4. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск, 2005. 156 с.

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 мая 2014 г.

METAPHORISATION OF THE NAMES OF PLANT FOOD IN THE RUSSIAN LANGUAGE: SEMASIOLOGICAL AND COGNITIVE ASPECTS

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 21-26.

Borovkova Anastasiya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

Keywords: figurative lexis and phraseology; metaphorical models; culinary metaphor; linguistic picture of the world; figurative lexical and phraseological field.

This article provides a cognitive and semasiological study of lexical and phraseological figurative means of the Russian language and the motivated names of plant foods. It also describes a fragment of the Russian linguistic picture of the world associated with the figurative interpretation of reality shaped by all types of metaphorical projections from the conceptual area-source "edible plants." The object of research is language metaphors motivated by the names of edible plants. They include language metaphors proper (*klubnichka* 'strawberry', *vishneviy* 'cherry', *repa* 'turnip', *smorchyok* 'morel', etc.), the figurative words proper (*limonka*, *mindal'nichat*'), established figurative comparisons (*krasniy, kak pomidor* 'red as a tomato', *kak ogurchik* 'as a cucumber', and others), instrumental comparisons (*nos kartoshkoy* 'bulb of a nose', *guby yagodkoy* 'lips of berries', etc.), idioms (*rasti kak griby posle dozhdya* 'to grow up like mushrooms after the rain', *eto eshcho tsvetocki, a yagodky vpered* 'when the blossoms first come out, berries soon will have to sprout', etc.), proverbs (*sorok let – babiy vek, sorok pyat' – baba yagodka opyat'* 'forty years old her tale is told, etc.). The object of analysis is the nature of metaphorical models reflected in the figurative semantics of the language units under study. The research is based on the dictionaries and contextual basis of the Russian National Corpus. This work fits into the range of modern research on the evaluation and world-shaping functions of linguistic units, the implementation of cultural codes in language and speech (N.F. Alefirenko, A.N. Baranov, Yu.N. Karaulov, V.V. Krasnykh, N.A. Mishankina, Z.I. Rezanova, G.V. Tokarev, A.P. Chudinov, etc.), on the implementation of various codes of culture, metaphorically and symbolically represented in the two-plane semantics of motivated nominations (N.F. Alefirenko, O.I. Blinova, N.A. Ilyukhina, M.L. Kovshova, V.M. Mokienko, G.N. Sklyarevskaya, V.N. Telia, Ye.A. Yurina, etc.). The article constructs a figurative lexical and phraseological field "plant food", that metaphorically names various extralinguistic phenomena: "man" (with microspheres "physiology", "feelings and emotions", "intellectual ability", "character and conduct", "social interaction"), "material objects" (with microspheres "color", "parameters", "artifacts"), "society" (with microspheres "social phenomena", "economy and finance"), "time", "space", and "plants". This article describes metaphorical models that demonstrate the association between various phenomena of extralinguistic reality and edible plants. The grounds for metaphorisation can be different. They include shape (*bokskerskaya grusha* 'punching bag'), size (*s yabloko* 'of apple-size'), the structure of the pulp and shell (*shchelkat' zadachi kak oreshki* 'to crack tasks like nuts', *apelsinovaya korka* 'orange peel'), surface color (*vishneviy* 'cherry'), taste, flavor (*yagodka* 'berry' of the girl), the method of cooking (*kak vyzhatiy limon* 'like a squeezed lemon'). Some areas of extralinguistic reality are described by allusions to legends, fairy tales, myths, the plot of which involves symbolic images of edible plants: *printsessa na goroshine* 'princess and the pea', *yabloko razdora* 'the apple of discord', *my delili apel'sin* 'we were dividing an orange', *pri tsare Gorokhe* 'the days of yore', *Adamovo yabloko* 'Adam's apple', *plod poznaniya dobra I zla* 'the fruit of the knowledge of good and evil', etc. Totally the author identifies over 150 units of figurative language that name various phenomena of extralinguistic reality.

REFERENCES

1. Rezanova Z.I. *Metaforicheskoe modelirovanie kontseptsfer* [Metaphorical modeling of concept sphere]. In: *Yazyk v polikul'turnom prostranstve: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Language in a multicultural society: theoretical and applied aspects]. Tomsk, 2001, pp. 121-124.
2. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [Russia in a metaphorical mirror: cognitive study political of metaphor]. Perm, 2001. 208 p.
3. Ilyukhina N.A. *Metaforicheskiy obraz v semasiologicheskoy interpretatsii* [Metaphor in semasiological interpretation]. Moscow, 2010. 320 p.
4. Yurina E.A. *Obraznyy stroy yazyka* [Imagery language]. Tomsk, 2005. 156 p.
5. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, 1990, pp. 387-415.
6. The Russian National Corpus. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>

Received: May 14, 2014